

Ледоход

Терпеливая река
Разъярённое быка
за ночь стала.
Жерди крепкого мостка
Истрепались, как пенька, –
разбодала.

Толстый взламывает лёд,
По округе треск идёт
то и дело.
Успокаивая ширь,
Пену щёткой камыши
чистят смело.

Половодье отойдёт,
И безумие уйдёт
с грани тонкой.
Станет ласковой река
И облизнет берега,
как телёнка.

Вечерний город

Не проникнет лучик солнца
В исполинские колодцы.
Глохнут в панцире асфальта
Звуки скрипки, звуки альта.

Где дворы насквозь простыли,
Ветер ухает как филин.
Фары, словно злые духи,
Желтоглазы, желтобрюхи.

Выжидающе уныло
Каменная тьма застыла.
Но рекламу распорот
Был насквозь притихший город.
Каждый двор и каждый дом
Вспыхнул огненным цветком!

Женскому батальону Первой мировой

А у войны не женское лицо –
Она звериным лязгает оскалом.
Летят снаряды с воющим вокалом
И гения равняют с подлецом.

Четыре года Первой мировой
Окопная братва отвоевала.
Им хочется к жене и деткам малым,
А скольким бабам вековать вдовой...

Да, оправдать, евангельски простить,
Понять солдат, наверное, возможно...
Что разглагольствовать пустопорожне? –
Страну б от разоренья защитить.

Отставив слёз посоленный бульон,
Девичий быт и моды парижанок,
Из барышень, крестьянок и служанок
Был сформирован женский батальон.

Строй новобриц – стриженных голов.
Как холодно без локонов затылкам.
Как обходиться без ножа и вилки?
Как не жалея убивать врагов?

Не сразу перестали быть толпой.
Армейский быт освоили не сразу:
Необходимость выполнять приказы,
Друзей упавших прикрывать собой.

Какое слово страшное: война!
Обугленные судьбы разметала.
Здесь плоть живая борется с металлом,
Здесь жизни настоящая цена!

Что барышням награды? ордена?
Верней присяге нету батальона.
Пусть с ликов не написаны иконы,
В бессмертие шагнули имена.

За спиной

Выла в ночь метель
Мартовским котом.
Поутру капель
Разбудила дом.

Смятая постель.
Смятое лицо.
Солнце канитель
Тянет на крыльцо.

Выгни, словно зверь,
Спину колесом.
Растяни, примерь
Новое лицо.

За окном – постель.
За спиной – крыльцо.
Прибрана постель,
Жизнь заподлицо.

* * *

Я розы себе дарила,
Как будто их ты дарил.
И шла, улыбаясь мило,
Почти не держась перил.

И думали люди глядя,
Что счастье на свете есть.
И локоны ветер гладил,
Мою охраняя честь.

До крови шипы кололи,
Ну разве же это боль?
Жесточкой сердечной боли
Не ведать бы, мой король.

А в вазе повяли розы,
Твоей не познав любви.
Всё кровоточат занозы...
Но сердце стучит: живи!

Домой

Разветвилась дорога,
Что олени рога.
На пригорке пологом
Разметались стога.

Березняк тонконогий,
Любопытно звеня,
Стрекотаньем сороки
Привечает меня.

Где я был? Где я не был?..
Сняв с души костыли,
Материнскому хлебу
Поклонюсь до земли.

Я пойду по сентябрю,
По дороге слёз осенних.
Милосердному терпению
Вопреки – огнём горю.

Мне б края свинцовых круч
Развести, как сон, руками,
Постоять под сквозняками,
Потерять от сердца ключ.

И забыться, и забыть...
Полыхают звёздно астры.
Между нами беспристрастно
Одиноких вёрст столбы.

Уходят поэты

*Памяти Светланы Ершовой
и Владимира Шапошникова*

Уходят поэты, один за другим,
В предвечное лето, где каждый любим.
В вольготном покое нет дел и забот.
Там сердце не ноет, душа... не поёт.

Поэты летят в журавлиную даль,
Пера пируэты вкрепляя в скрижаль.
Мне горний предвестник курлычет сквозь тьму...
Упавшую песню с пером подниму.

Ливень

Напоен непогодой двор,
И тополь оступился в лужу.
А ливень мчит во весь опор
И разбивается о суху.

Впитает тёплая земля
Потоки влаги вездесущей,
Взойдёт бесплодная зола
И хлебом одарит насущным.

* * *

Мы с тобою уже далеко,
И затерян во времени след.
И всё дальше уносит «Арго»
По Эгейскому морю от бед...

Золотое разыщем руно,
Вняв советам небесных светил.
Мы вернёмся и выпьем вино
За очаг, что сквозь бури светил.

Спит Колхида под шёпот лозы,
Зыбок счастья полуночный сон.
Что бояться: дракона ль?.. грозы?..
Я – Медея, а ты – Ясон?